

Дворяне Воронежской губернии о подготовке и условиях отмены крепостного права

Михаил Карпачёв

**Voronezh province nobility
on the preparation and conditions of the abolishment of the serfdom**
Mikhail Karpachev (Voronezh State University, Russia)

Говоря об отмене крепостного права, учёные и публицисты неизменно адресовали дворянству чернозёмных губерний упрёки в откровенной реакционности и сословном эгоизме. Так, дореволюционные либеральные историки А.А. Корнилов, Г.А. Джаншиев и др., отдавая дань уважения преобразованиям Александра II, осуждали противодействовавших им помещиков. Ещё более отрицательные оценки содержатся в исследованиях советского времени. Поскольку самодержавие, как считали историки-марксисты, выражало интересы дворянства, расхождения между ними не могли иметь существенного значения¹. Поддерживавшаяся же помещиками Черноземья программа безземельного освобождения трактовалась как сугубо крепостническая². Между тем анализ их откликов на правительственные инициативы убеждает, что реальная картина не была столь односторонней и одиозной.

В Воронежской губернии доля помещичьих крестьян в составе сельского населения была относительно небольшой. Накануне отмены крепостного права здесь, по данным официального обследования, насчитывалось 1 874 помещика. Некоторые из них имели не по одному имению, кроме того, часть землевладельцев жила в других губерниях. Всего же численность воронежских владельческих имений составляла около 2.4 тыс. Дворян в губернии насчитывалось 11.5 тыс., причём потомственных и личных было примерно поровну. Ко времени реформы в частном помещичьем владении находилось около 503 тыс. крестьян обоего пола и несколько больше 2.3 млн десятин земли и леса³, государственных крестьян – около 1.3 млн человек, и свыше 3.1 млн десятин казённой земли (не считая леса) в их пользовании. Около 500 дворов воронежских крестьян являлись удельными. Таким образом, лишь около 29% крестьян в губернии были помещичьими⁴.

Большинство воронежских дворян накануне отмены крепостного права находилось в весьма затруднительном положении. Об их экономическом не-

---

© 2016 г. М.Д. Карпачёв

¹ См. об этом: *Захарова Л.Г.* Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 года // *История СССР.* 1976. № 4. С. 61.

² *Захарова Л.Г.* Дворянство и правительственная программа отмены крепостного права в России // *Вопросы истории.* 1973. № 9. С. 37.

³ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния / Сост. В. Михалевич. СПб., 1862. С. 142.

⁴ *Очерки истории Воронежского края.* Т. 1. Воронеж, 1961. С. 245.

благополучии свидетельствовало, в частности, заметное сокращение доли помещичьих крестьян в составе населения губернии. К середине века она понизилась примерно на 6–7%⁵. Часть дворян была вынуждена расстаться со своими имениями. В годы начавшейся подготовки реформы местная пресса постоянно публиковала сообщения о продаже с аукционных торгов имений воронежских помещиков, заложенных в Московском опекуном совете, что явно свидетельствовало об усилившейся хозяйственной деградации дворянского сословия⁶.

Как известно, поворотное значение в деле подготовки крестьянской реформы имела публикация в конце ноября 1857 г. рескрипта Александра II Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернатору В.И. Назимову⁷. Дворянство Северо-Западного края получило высочайшее разрешение на открытие губернских комитетов, в которых должны были разрабатываться местные проекты крестьянского освобождения. Правда, дворянам велено было при обсуждении отталкиваться от правительственной программы, разработанной чиновниками Министерства внутренних дел. Она включала несколько принципиальных, по мнению реформаторов-бюрократов, положений: о формально безвозмездном личном освобождении крепостных, о сохранении помещиками собственности на всю землю и о предоставлении крестьянам в пользование за установленные законом повинности наделной земли. Усадьбы же с приусадебной землей (так называемую усадебную оседлость) крестьяне должны были выкупать в собственность⁸. Фактически помещикам предписывалось расставание с существенной долей собственности, но и крестьяне получали бы не столько права, сколько новые обязанности. О возможности их отказа от наделов со связанными с ними повинностями или от обязанности выкупать «усадебную оседлость» в правительственной программе ничего не говорилось.

Приступая к подготовке реформы, правительство стремилось обеспечить как можно менее конфликтный исход преобразования. Поэтому требовалось соблюсти интересы помещиков, которые в чернозёмных губерниях были связаны прежде всего с земельной собственностью. Но одновременно необходимо было, чтобы крестьяне получили прочную оседлость, а также средства к существованию и исполнению государственных повинностей. В правительственных сферах широко бытовало иррациональное опасение, что освобождённые крестьяне могут массово бросать привычный образ жизни и превращаться в «бесприютных пролетариев». Власти полагали, что только бюрократический контроль над всеми фазами крестьянского освобождения позволит сохранить в стране социально-политическую стабильность. Не случайно министр внутренних дел С.С. Ланской писал предводителю дворянства Воронежской губ. кн. И.В. Гагарину об осмотрительности и советовал «без особой огласки» внушать помещикам, что для их собственной пользы «весьма желательно, дабы

⁵ Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года. Чернозёмный центр. 1861–1895 гг. М., 1972. С. 52.

⁶ Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО), ф. 30, оп. 1, д. 2151, л. 2, 5, 10; д. 2110, л. 4.

⁷ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 82–83; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. С. 71–91; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. М., 1978. С. 15–16.

⁸ Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861. Т. 1. С. 1–4; Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 123–150.

усадебная оседлость крестьян оставалась именно в теперешнем положении». Незачем, считал Ланской, тревожить крестьян напрасно⁹.

Таким образом, чиновники надеялись найти такую формулу преобразования, при которой и волки были бы сыты, и овцы целы. Но без согласия дворян на некоторое ущемление их интересов поиск такого решения был совершенно бесперспективен. Между тем объявление о правительственных намерениях поставило помещиков перед сложным выбором. Было очевидно, что они неминуемо понесут материальные потери. При этом в общественном мнении всё шире распространялось представление об одиозности крепостничества, так что дворянам пришлось испытать чувство вины за сохранявшийся социальный анахронизм. Многие из них опасались, что слухи о близящемся освобождении могут спровоцировать отказ крестьян выполнять барские распоряжения и даже беспорядки. Гагарин уже через несколько дней после знакомства с царским рескриптом поспешил предостеречь об этом Ланского. Министр немедленно парировал: «Правительство и дворяне многих губерний имеют основания опасаться, что подобные беспорядки произойдут при настойчивом стремлении к сохранению прежнего устройства сельского сословия». В навязывании помещикам условий грядущего преобразования Гагарин усмотрел знак правительственного недоверия этому сословию, на что министр решительно возразил, что, напротив, именно ему доверено решать судьбу крестьян¹⁰.

3 января 1858 г. Гагарин провел совещание, на котором присутствовали все уездные предводители, депутаты и некоторые другие представители сословия. От лица воронежских дворян он поспешил выразить верноподданническое одобрение намерений правительства, но довольно своеобразно. Он благодарил царя за его желание освободить... дворян от многовековой и тяжёлой обузы! По словам Гагарина, именно на плечах дворянского сословия лежали заботы о материальном и нравственном благополучии крестьянского населения, а также ответственность за исправное несение крестьянами государственных повинностей, включая рекрутскую и податную. При этом, патетически восклицал предводитель, находятся люди, готовые упрекнуть помещиков в эгоизме и даже обвинить целое сословие «за проступок одного какого-либо члена». Но дворянство, «невзирая на всю тяготу такого положения, мужественно несло на раменах своих всё это материальное и нравственное бремя крепостного права как завет служения Отечеству и престолу..., а потому и только потому до самого последнего времени... не смело позволить себе даже мысли, чтобы искать или домогаться сложения с себя этого важнейшего государственного тягла»¹¹.

Совещание решило, что оно «не вправе приступить ни к какому положительному заключению по существу самого предмета», а потому необходимо поручить уездным предводителям предварительно выяснить позицию помещиков. Только после этого можно будет выработать единое мнение «с необходимыми изъятиями по особенным исключительным местностям уездов». Впрочем, несколько принципиальных соображений о грядущем преобразовании совещание 3 января всё-таки высказало. Прежде всего, считали дворяне, крестьяне, согласно рескрипту, освобождаются от личной зависимости, «а помещики избавляются от ответственности за них». При этом «вся земля остается за помещиками, а особый комитет должен разработать меры к обеспечению

⁹ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 597, л. 16.

¹⁰ Там же, л. 12–13.

¹¹ Там же, д. 633, л. 8–9.

быта и определению обязанностей крестьян перед правительством и помещиками, придумав меры к предотвращению их от бродяжнической жизни, когда они объявятся свободными». После некоторого переходного периода следует «допустить полную и совершенную свободу во взаимных условиях владельца земли с крестьянами, не стесняя ни ту, ни другую сторону заранее придумываемыми положениями с разделениями, главами, статьями и параграфами»¹².

Уже из этого заявления было видно, что полемику с чиновниками-реформаторами дворянство вело под флагом соблюдения собственных законных прав и противодействия бюрократической регламентации. В то же время помещикам нужны были рабочие руки. Поэтому по здравом размышлении предводители пришли к выводу о неизбежности выделения крестьянам хотя бы минимальных земельных ресурсов, и внесли в заявление уточнение: «Для предохранения крестьян от бродяжнической жизни, для укрепления в них идеи неприкосновенности собственности... они наделяются от помещиков усадебной землею по одной десятине на душу в вечное и постоянное их владение за определенное вознаграждение»¹³.

Успокаивая своё сословное самолюбие, воронежские дворяне, тем не менее, призвали правительство сохранить за дворянством всю принадлежащую ему собственность, хотя было понятно, что крестьян нельзя освобождать без земли. Предстоял трудный поиск приемлемого решения. Как точно подметил И.А. Христофоров, в основе отстаивания неприкосновенности помещичьей собственности «могли лежать совершенно различные мотивы – от желания подороже её продать до стремления сделать её основой политического влияния»¹⁴.

Правительство, со своей стороны, явно стремилось не допустить консолидации дворянства на почве сословных интересов. Так, чиновникам категорически не понравилась инициатива Гагарина провести серию дворянских собраний во всех уездах губернии¹⁵. Ланской потребовал от губернатора Н.П. Синельникова решительно вмешаться и запретить их проведение¹⁶. Понять тревоги министра несложно: дворяне действительно поспешили сформулировать своё представление о справедливом и законном исходе намечавшейся реформы.

Развёрнутый трактат под пышным названием «О преобразовании крепостной системы в России» 28 февраля 1858 г. представил, например, помещик Землянского уезда Д.И. Писарев. Он признавал, что «по современным понятиям и потребностям» крепостное право следует ликвидировать, и «помещики предпочтут лучше лишиться части своего имущества, чем рисковать жизнью» в случае крестьянских волнений. Но во имя сохранения законности и общественной справедливости, настаивал Писарев, грядущая реформа не должна лишить дворян земельной собственности. Кроме того, оскудение помещиков, утверждал он, неминуемо обессилит всё государство.

Однако воронежского помещика тревожили не только сословные интересы. Он сетовал, что реального освобождения бюрократы и не планируют. По их

¹² Там же, л. 6, 11–12.

¹³ Там же, л. 14.

¹⁴ Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002. С. 45.

¹⁵ Долбилов М.Д. Дворянский предводитель и крестьянская реформа: политическая неудача князя И.В. Гагарина // Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII – начале XX века. Воронеж, 1999. С. 102–103.

¹⁶ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 633, л. 15.

планам, утверждал Писарев, не делаются свободными ни дворяне, ни крестьяне. Помещик «остаётся лицом ответственным за крестьянина, поселившегося на его земле, и... не сохраняет даже право собственности на землю, а в своём имении делается хозяином обязанным или полу-хозяином». Но и крестьянская свобода без земельной собственности будет шаткой, а потому «к освобождению крепостных людей от подданства помещикам самое покойное, надёжное и безобидное средство есть выкуп крепостных людей с наделением землею, как дворовых людей, так и крестьян». Правда, экономическое обеспечение такого размежевания собственности может потребовать немалых финансовых ресурсов, которых у государства нет. Но выкуп, уверял Писарев, можно произвести и без наличных денег. Он советовал выпустить специальные банковские билеты, обеспечением которых будут «теперешние крепостные люди с наделённой им землёю». Этот «народный долг» он предлагал в течение 80 лет погашать оброком с земли, отведённой крестьянам. Крестьянам, считал Писарев, достаточно дать по 1–2 десятины земли на ревизскую душу, а в малоземельных имениях даже по полдесятины¹⁷. Как финансист Писарев был на редкость наивен. Вместе с тем обращает на себя внимание его поиск системного решения крестьянского вопроса в масштабах государства.

Как известно, в 1858 г. в Европейской России повсеместно открыли свои заседания губернские дворянские комитеты. В их состав входили по два депутата от каждого уезда, избранных на чрезвычайных дворянских собраниях, и два назначенных губернатором «члена от правительства». В Воронежской губ. комитет в составе 26 депутатов во главе с губернским предводителем дворянства И.В. Гагариным начал работу в июле 1858 г. и действовал до февраля 1859 г.

Дворянские депутаты быстро убедились, что правительство не намерено выпускать инициативу из рук. Возглавившая подготовку реформы группа либеральных бюрократов понимала, что без риторики «добровольного дворянского пожертвования» обойтись нельзя. Но доверять помещикам реальную подготовку условий реформы правительство не собиралось. Фактически их понуждали к «добровольной жертве» на подготовленных чиновниками из МВД, но неприемлемых для большинства дворян условиях. Активную часть депутатов это обстоятельство откровенно оскорбляло. Возникли условия для политической фронды¹⁸.

Первой и, надо признать, естественной мотивацией большинства воронежских депутатов стала энергичная защита имущественных прав своего сословия. Ярче всего это проявилось в отношении к земельной собственности. Так как в чернозёмном краю именно земля являлась основным мерилom достатка, воронежские дворяне в большинстве стремились минимизировать «добровольные пожертвования». Члены комитета, в частности, предложили ограничить усадьбную оседлость крестьян нормой в 840 кв. саженей вместо дореформенных 1 400 кв. саженей, на что губернатор откликнулся ядовитым замечанием: «Стало быть, улучшение быта крестьян, имеющих теперь более 840 саженей земли, начнется с того, что у них отнимут большую часть усадьбы»¹⁹. Кроме того, резкое осуждение губернатора вызвало желание дворян получить денежную компенсацию за личное освобождение крестьян. Ретивые депутаты

¹⁷ Там же, л. 71–78.

¹⁸ Христофоров И.А. Указ соч. С. 81–117.

¹⁹ Шевченко М.М. Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1956. С. 234.

подсчитали, что средняя стоимость крепостной души в губернии составляла накануне реформы 114 руб. 28 коп. Следовательно, при освобождении более 500 тыс. крепостных, считали депутаты, дворяне губернии сразу теряют ответственность на сумму свыше 50 млн руб. Узнав о таких подсчётах, Александр II объявил через губернатора: «Воронежскому губернскому комитету поставить на вид неуместное его ходатайство»²⁰. Царь ждал от дворян не торгов, а жертвы во имя Отечества! От собственности на людей пора было отказываться и по моральным причинам.

Итогом работы комитета стал проект, согласно которому крестьянам передавались во временное пользование усадьбы, а также полевые наделы в размере 3 десятины на двор. После переходного периода в 12 лет эти земли должны были стать неотчуждаемой собственностью помещиков, и лишь после этого владельцы и крестьяне должны были урегулировать свои взаимоотношения на основе добровольных соглашений²¹. Губернатор Синельников считал, что определенные комитетом размеры крестьянского надела явно недостаточны: принимая в соображение среднее число душ в тягле и средний урожай хлеба в губернии, «оказывается, что за определением из одного на обсеменение и для продажи на необходимые в крестьянском быту надобности, снятого с двух десятин озимого и ярового хлеба едва достанет для прокормления тягла»²². О каком же улучшении быта крестьян может идти речь?

Проект Воронежского комитета расходился и с министерской программой, изложенной в рескрипте Назимову, поскольку не предполагал постоянного пользования, а тем более обязательного выкупа крестьянами наделов и усадьбы в собственность. С точки зрения многих депутатов, признание помещичьей земельной собственности неприкосновенной совсем не означало бы ухудшения материального положения освобождённых крестьян. На новом рынке труда и землепользования неизбежно возникнут, считали они, свободные и справедливые для всех сторон договорные отношения. Однако правительственные чиновники такую, казалось бы, либеральную позицию воронежских дворян сочли крепостнической. Весной 1859 г. Ланской добился отрешения Гагарина от должности губернского предводителя дворянства. В этой должности был утверждён более лояльный к планам реформаторов А.Н. Сомов. Однако на очередных губернских выборах, проходивших в феврале 1859 г., Гагарин получил абсолютное большинство голосов – 164 (против 51), тогда как Сомов – лишь 112 (против 103). Александр II, имевший по закону право утвердить одного из двух кандидатов, выбрал Сомова²³.

Симптоматично, что противостояние дворянства и бюрократии проявилось даже в вопросе о материальном обеспечении деятельности губернского комитета. Правительство определило, что депутаты должны работать на условиях самофинансирования. Для этого дворянское собрание получило право ввести особый поземельный сбор с владельцев в размере 2 коп. с десятины. С почти 1.8 млн десятин помещичьих земель это давало 36 тыс. руб. Гагарин считал, что дворяне могут распоряжаться этими деньгами по собственному усмотрению. Руководство комитета решило платить всем 26 депутатам по 150 руб. в месяц.

²⁰ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 597, л. 74.

²¹ Шевченко М.М. Указ. соч. С. 229–249.

²² ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 597, л. 76.

²³ Долбилов М.Д. Губернатор Н.П. Синельников // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Историко-биографические очерки. Воронеж, 2000. С. 228–230.

Кроме того, предполагалось нанять двух делопроизводителей с жалованьем по 100 руб. в месяц, двух их помощников (по 50 руб.), четырёх писцов (по 25 руб.) На канцелярские расходы Гагарин отводил по 100 руб. в месяц. Всего, таким образом, ежемесячно планировалось тратить по 4 400 руб. Поскольку срок работ комитета был установлен в 6 месяцев, общая сумма не должна была превышать 26 500 руб.²⁴

Однако Синельников получил от Ланского указание не допускать излишних трат в деятельности комитета. Министр указывал, что в Петербургской губ. ограничились одним делопроизводителем и одним его помощником, а большинству депутатов государь распорядился работать на общественных началах! В циркулярном письме Ланской сообщал, что император указал платить пособие не вообще всем членам комитетов, «а тем только, кои по усмотрению дворянства действительно, по недостаточному состоянию, будут иметь надобность в таковом пособии», причём лишь с согласия губернаторов. Такая назойливая опека явно не понравилась Гагарину, продолжавшему настаивать на оплате трудов всех членов комитета²⁵.

Впрочем, двухкопеечный сбор надо было еще собрать. Для первого же этапа работы комитета Гагарин решил занять деньги у администрации. В сентябре 1858 г. Воронежское уездное казначейство по его просьбе согласилось отпустить на содержание членов комитета 7 500 руб., а на почтовые и канцелярские расходы – 519 руб. 25 коп. Но уже через несколько дней губернатор сообщил Гагарину, что министр не разрешил брать деньги на жалованье депутатам даже займы²⁶. Между тем скоро выяснилось, что помещики не спешат платить сбор на нужды своего комитета. В октябре 1859 г., уже через полгода после его закрытия, новый предводитель Сомов жаловался, что за помещиками практически всех уездов остались существенные недоимки общим размером около 7 тыс. руб., из-за чего нельзя было возместить расходы приглашённых для работы в Главном комитете по крестьянскому делу двух депутатов от Воронежской губ. Сбор продолжал вяло поступать даже после издания Манифеста 19 февраля 1861 г.²⁷ Как видно, губернская администрация имела свои резоны контролировать сословные средства дворян: запрашиваемая Гагариным ссуда казначейства могла остаться непогашенной.

В марте 1859 г. был учреждён особый орган по координации всех подготовительных работ по крестьянскому освобождению со скромным названием Редакционные комиссии. Именно в этом учреждении, которое возглавил близкий к императору генерал-адъютант Я.И. Ростовцев, готовились основные законодательные документы крестьянской реформы²⁸. В комиссиях было сформулировано новое, исключительно важное положение: окончательное завершение реформы должно наступить после выкупа крестьянами усадеб и полевых наделов с помощью правительства. Редакционные комиссии настаивали на том, чтобы этот выкуп, размер которого должен был определяться правительством, стал обязательным и для помещиков, и для крестьян²⁹.

В условиях острого противостояния с большинством провинциального дворянства лидеры Редакционных комиссий готовы были идти на углубление

²⁴ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 619, л. 9–10.

²⁵ Там же, л. 7.

²⁶ Там же, л. 23–27.

²⁷ Там же, л. 94, 120.

²⁸ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена... С. 156.

²⁹ Там же. С. 173–174.

реформы. К лету 1859 г. правительственные соображения стали публиковаться в журналах этого органа и рассылаться губернским комитетам для сведения. Второй период работ дворянских депутатов состоял в обсуждении нового проекта Редакционных комиссий. Журналы рассылались дважды: 29 мая, когда 15 экземпляров журнала были переданы А.Н. Сомову, который должен был переслать их в уезды, И.В. Гагарину и Ф.П. Крашенинникову, избранным депутатами для участия в назначенном на август дворянском съезде, а также 8 июня (14 экземпляров).

Из содержания журналов дворяне узнали, что, опираясь на сведения, полученные от местных комитетов, Редакционные комиссии установили нормы наделения крестьян землёй, размеры крестьянских повинностей и выкупных сумм. Выяснилось, что для Воронежской губ. высшие (предельные для крестьян) нормы душевого надела составили 3, 3.5 и 4 десятины в зависимости от уезда. Определялись также и нормы оброка (примерно в 8 руб. за душевой надел). Таким образом, комиссии пошли на весьма дотошную регламентацию, что лишний раз свидетельствовало: реформаторы никому, кроме себя, не доверяли.

Отклики на журналы Редакционных комиссий с мест (их, как правило, давали уездные предводители) свидетельствовали, что дворяне продолжали энергично отстаивать свои имущественные права. Большинство уездных предводителей считало, что земля и даже дома, усадебные постройки крепостных должны быть объявлены безусловной собственностью помещиков. Во всяком случае, полагали они, того требует принцип соблюдения законности.

Редакционные комиссии, по мнению воронежских помещиков, заняли откровенно антидворянскую позицию. Они обвинялись даже в нарушении монарших предначертаний. Предводитель дворянства Нижнедевицкого уезда В. Гринёв, в частности, категорически заявил, что осуществление проекта комиссий неминуемо приведёт к разорению дворянства. У многих помещиков его уезда земельные владения не превышали 4 десятин на душу, тогда как петербургские чиновники определили норму земельного душевого надела 3.5 десятины. Что же останется помещикам? – вопрошал Гринёв. Он призывал комиссии вернуться к ясно выраженным положениям царского рескрипта от 20 ноября 1857 г., объявившего о гарантиях неприкосновенности дворянской собственности. Получалось по поговорке, сетовал Гринёв: жалует царь, да не жалует псарь³⁰. Критика Редакционных комиссий при отказе от упреков в адрес монарха была для дворян единственно возможным способом протеста.

С Гринёвым полностью солидаризировался предводитель дворянства Воронежского уезда Ф. Прибытков. Государь, жаловался он, ждал от нас жертвы «по возможности». Но предусмотренный для уезда надел 3.5 десятины с вознаграждением 8 руб. – это уже не жертва, а «мера, уничтожающая все средства дворян, во-первых, потому, что земля наша будет оставаться необработанною, ибо крестьянин, будучи в избытке, никогда не захочет наниматься обрабатывать даже и оставшиеся незначительные наши пашни». Во-вторых же, «несправедливо отчуждать собственность с назначением ничтожной платы за землю без согласия владельца». Кроме того, даже такую плату с крестьян невозможно будет взыскать, и помещики увязнут в безнадёжных тяжбах со своими бывшими крепостными³¹.

³⁰ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 659, л. 68.

³¹ Там же, л. 64.

О том, что земли отбирают много, а размер повинностей установлен слишком небольшой, писал и предводитель Коротоякского уезда А.К. Ржевский. Редакционные комиссии рассчитали размер крестьянской повинности, определив его в 1 руб. 80 коп. за десятину. Между тем, указывал он, средняя цена за наём десятины в уезде сейчас 4 руб., следовательно, на каждой десятине помещик потеряет 2 руб. 20 коп. в год. Если же учесть отсутствие обеспечения исправного поступления платежей, то потери помещиков будут ещё более внушительными. Ржевский умолял повысить повинности за высший надел 3.5 десятины хотя бы до 10 руб. серебром³².

Однако Гринёв, Ржевский и их товарищи явно сгущали краски. Проведённые после составления уставных грамот подсчёты показали, что реальные потери помещиков не были столь драматическими. В Воронежском уезде, например, у 305 владельцев имений до 1861 г. находилось в собственности 157 856 десятин земли, и лишь около 40 тыс. из них были получены освободившимися крестьянами. По другим уездам доля перешедшей в крестьянское наделное пользование земли колебалась от 25 до 35% дореформенного дворянского землевладения³³.

Очень оживлённо обсуждали воронежские помещики вопрос об обязательном предоставлении бывшим крепостным усадебной оседлости. Позиция Редакционных комиссий была неизменной: крестьяне должны остаться в своих домах, попытки принудительного их перемещения решительно отменялись. Правительство очень опасалось не только мифической склонности русского крестьянства к бродяжничеству, но и того, что перенос крестьянских усадеб может спровоцировать массовые беспорядки.

«Принудительность» многих условий крестьянского освобождения вызвала у дворян острое недовольство и воспринималась как противоречие самому духу эмансипации. Обязательное наделение, да ещё по обязательным нормам, а затем обязательный выкуп никак не соответствовали представлениям о свободе хозяйственной деятельности. В этом, в частности, были убеждены Гагарин и Крашенинников, отправившиеся в качестве депутатов от Воронежской губ. в августе 1859 г. в Петербург. Здесь Гагарин открыто примкнул к оппозиционному выступлению группы аристократов, руководителем которой был М.А. Безобразов³⁴.

Надо признать, что основания для столь резкой оценки у воронежского предводителя были. Под прикрытием лозунга о «добровольном пожертвовании» реформаторы, считал он, планируя громадное принудительное перераспределение земельной собственности, сеют в сознании народа зерна социализма. И если само правительство не останавливается перед фактическим нарушением священного права собственности, полагал Гагарин, то чего же можно ждать от непросвящённого крестьянства? Мечта о новом «чёрном переделе» неизбежно возникнет в народном сознании.

Недовольство методами разработки реформы высказал и предводитель дворянства Богучарского уезда И.В. Лисаневич. В письме к Сомову он с горечью утверждал: «Я убеждён, что все наши старания и ясно выведенные замечания ни к чему не послужат, а гг. члены Редакционных комиссий, попросту сказать, нам только по губам мажут»³⁵. В их проекте «ни одного нет положения, которое

³² Там же, л. 72–73.

³³ Там же, д. 781, л. 26–31.

³⁴ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена... С. 191.

³⁵ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 659, л. 17.

бы представили в защиту помещика. Дворяне без капиталов – с именными более заложенными, на чём оснует они свои хозяйства для существования своего; воспитание детей, уплата кредитным установлениям – всё представляет гибель и безвыходное положение дворян!»³⁶.

Порой эмоции били через край. Однако многие замечания дворян выглядели вполне разумно. Тот же Лисаневич отмечал: «Весь европейский опыт протестует против обязательного выкупа. Личную свободу крестьян совершенно невозможно подчинить одновременному и неперемennomу условию – приобретению ими поземельной собственности, потому что это поведёт всё дело освобождения к страшной запутанности». Реформаторы не должны навязывать крестьянам, как и где им жить, настаивал он. Один хочет быть земледельцем, другой – ремесленником, третий – фабричным, зачем же вводить обязательный надел, да ещё с обязательным выкупом? Освобождение должно быть последовательным: «Личные и по имуществу права крестьян могут и должны быть определены по существующим законам для всех свободных сословий в государстве». После ликвидации крепостного права помещик окажется не в меньшей зависимости от крестьян, чем крестьяне от него. Он будет заинтересован в рациональном использовании своих угодий и, конечно, в рабочих руках вчерашних крепостных. В этих условиях добровольные соглашения вполне достижимы. Само же понятие «выкуп земли», считал Лисаневич, должно быть заменено понятием «покупка земли», ведь только покупка может быть результатом обоюдного добровольного и свободного соглашения³⁷.

Подобная аргументация была свойственна, конечно, не только воронежским дворянам. Примерно такую же позицию занимали, например, члены дворянского комитета Рязанской губернии. Однако, вопреки мнению Б.Г. Литвака, ни воронежские, ни рязанские дворяне вовсе не стремились «прекратить всякие отношения крестьян с помещиками» и тем более «пустить крестьян по миру»³⁸. Суть их возражений невозможно свести исключительно к своекорыстному эгоизму. Речь шла и о поиске перспективных, в том числе рыночных, путей аграрного реформирования. В советской историографии широко бытовала оценка дворян, которые настаивали на приоритете своего права на земельную собственность, как крепостников³⁹. Такая оценка едва ли справедлива. Лисаневич и его многочисленные единомышленники полагали, что аграрный строй России после реформы должны определять свободные собственники при свободном рынке рабочей силы. Подобные взгляды, разумеется, не совпадали ни с желаниями крестьянства, ни с правительственной программой, основанной на страхе перед «язвой пролетаризации». Но и крепостническими они не были.

Лисаневич затронул также очень важную и сложную тему экономического прогнозирования. Обязательное и нормированное наделение крестьян земельными наделами, а затем их выкуп, писал он, приведут к дроблению русского землевладения, которое будет усугублено внутриобщинной чересполосицей. Мобилизация земли в руках крепких хозяев окажется сильно затруднена, а неизбежное при обязательном выкупе распыление ресурсов станет большим

³⁶ Там же, л. 67.

³⁷ Там же, л. 23, 24, 28.

³⁸ Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 52.

³⁹ См.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 235–237.

тормозом развития сельского хозяйства⁴⁰. Европейский опыт, настаивал он, однозначно свидетельствует о вреде «мелкого дробления поземельной собственности». Идиллическая картина мужицкого царства никак не соответствует задачам преодоления российской отсталости. Зачем это ограничение, вопрошал Лисаневич, «отчего же свободному крестьянину не предоставить на самом деле эту свободу в выборе себе того, что действительно ему нужно и пригодно и что сообразуется с его жизненными потребностями?»⁴¹.

Помещики резонно замечали, что прогресс в земледелии не совместим с административной регламентацией, а сохранение огромного количества мелких крестьянских хозяйств неизбежно ограничит развитие внутреннего рынка. Это предостережение не было беспочвенным. Предусмотренное реформаторами уравнительное общинное землепользование крестьян после отмены крепостного права сохранило замкнутый натурально-потребительский характер экономики крестьянского двора и сильно ограничивало прогресс сельского хозяйства.

Правительственные реформаторы, опасаясь упустить контроль над положением дел, исходили из обязательной регламентации экономических и социальных отношений в реформируемой деревне. Дворяне же выступали против чрезмерной бюрократической опеки. По мнению Лисаневича, бюрократические ограничения никак не вязались с духом освобождения, хотя и отражали вековые традиции отношения власти к народу: «Нельзя не сознаться, что во всей жизни нашего народа мы всё и всегда хотим устраивать помимо его нужд и убеждений, а потому впадаем очень часто в страшные ошибки и нескончаемые противоречия». При обязательном наделе, считал он, крепостное право, может быть, и смягчится, но не исчезнет полностью, ведь крестьян фактически хотят прикрепить к земле⁴².

Весьма энергично настаивал на преимуществах свободных договоров перед обязательным наделением и предводитель дворян Бобровского уезда Д. Северцов. В отзыве, составленном в ноябре 1859 г., он настаивал, что страхи бюрократов по поводу крестьянского обезземеливания лишены оснований. Помещикам просто необходимо будет предлагать землю крестьянам в аренду, и чем больше у них будет земли, тем шире будет предложение. Не надо забывать, замечал Северцов, что «добровольные условия исполняются всегда охотнее и вернее». В крайнем случае, помещиков можно обязать отдавать в аренду крестьянам земли по минимальным ставкам, вычисленным Хозяйственным департаментом МВД для центральных губерний. Таким путём было бы предотвращено массовое народное бродяжничество, которого так опасались чиновники-реформаторы. При свободных условиях и недостатке денежных капиталов «нашлось бы много помещиков, которые бы согласились всю свою землю арендовать (т.е. сдавать в аренду. – *М.К.*) крестьянам, отчего ещё более увеличилось бы благосостояние сих последних»⁴³.

Получалось, что Лисаневич и Северцов мыслили более либерально, чем опекуны из стана правительственной бюрократии. Но, конечно, не стоит забывать и того, как указывали представители высшей администрации, что народу едва ли понравилось бы радикальное «освобождение» от земли. Не учитывать

⁴⁰ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 659, л. 16–17.

⁴¹ Там же, л. 27.

⁴² Там же, л. 24.

⁴³ Там же, л. 60.

этого власти не могли, и не зря Я.И. Ростовцев уверял, что безземельного освобождения крестьяне не примут, а попытка его проведения зажжёт Россию⁴⁴.

Острое недовольство воронежских дворян вызвало и строгое предписание проекта Редакционных комиссий о прекращении права помещиков на переселение крестьян. Предводитель дворянства Бобровского уезда Северцов в своем отзыве отметил, что такое ограничение помешает справедливому освобождению. Напротив, заявил он, переселение «есть одно из лучших средств облегчить для помещиков улучшение быта крестьян»⁴⁵. В противном случае в деревне на долгие годы сохранится чересполосица, чреватая тяжёлыми конфликтами и низкой культурой возделывания полей. Примерно так же рассуждал предводитель дворянства Новохопёрского уезда Л. Богушевский⁴⁶.

Убедить либеральную бюрократию доводы воронежских дворян не могли. Перспектива экономического хаоса и социально-политической дестабилизации страшила их больше, чем дворянская фронда и социально-экономические проблемы, предрекаемые России многими помещиками в случае осуществления программы Редакционных комиссий. Проблема взаимного недоверия между помещиками и реформаторами во многом коренилась в принципиально разных представлениях о крестьянстве и его будущем после освобождения. Если многим дворянам крестьяне представлялись носителями анархического начала, которых необходимо «цивилизировать» посредством благотворного приобщения к рынку, то некоторым просвещенным творцам реформы они казались олицетворением особого правосознания, народной культуры и мировоззрения⁴⁷.

В августе 1859 г., уже после завершения работ губернских комитетов, в Петербурге прошёл первый из двух раундов «совещаний» Редакционных комиссий с дворянскими депутатами. Как говорилось выше, воронежский комитет представляли на нём Гагарин и Крашенинников. Отставной предводитель воронежских дворян выступил в столице как активный участник дворянской фронды. Он вошёл в небольшую группу из пяти депутатов, которые настаивали на ограничении срока пользования крестьянами земельных наделов. По оценке одного из видных деятелей Редакционных комиссий Н.П. Семёнова, она фактически требовала отнятия «чрез известное число лет всякого права крестьян на землю»⁴⁸. По-видимому, эксперты Редакционных комиссий считали, что опасения помещиков потерять рабочие руки лишены оснований. При крепостном праве крестьянская семья успевала обработать не только отведённый для своих нужд надел, но и барские поля. Значит, после освобождения у крестьян, получивших близкий к прежнему надел, должны были оставаться свободные трудовые ресурсы, которые и следовало использовать помещикам путём свободного найма.

В целом, несмотря на глубокое недовольство большинства помещиков условиями реформы, воронежской администрации удалось относительно благополучно провести её в жизнь. В немалой степени краткосрочный успех

---

⁴⁴ Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу Н.П. Семёнова. СПб., 1889. Т. 1. С. 466–477.

⁴⁵ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 659, л. 48.

⁴⁶ Там же, л. 75.

⁴⁷ Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике и общественном мнении конца 1860 – начале 1880-х гг. // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний. К столетию историка. М., 2008. С. 516.

⁴⁸ Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1891. С. 478.

преобразования был обеспечен позицией местного дворянства. Сразу после оглашения Манифеста 19 февраля 1861 г. (в Воронежской губ. это произошло 10 марта) оно приняло деятельное участие в формировании института мировых посредников, на плечи которых легла основная нагрузка по составлению уставных грамот и обеспечению переходного периода. Большинство мировых посредников первого состава оказались людьми вполне достойными и с честью выполнили возложенные на них обязанности. Такими были, например, А.С. Фаленберг, А.А. Карпов, Н.Н. Коковцов.

В настроениях местных дворян даже проявился определённый оптимизм. Пошли разговоры о том, что нужно создать Воронежское общество сельского хозяйства, открывать школы и механические заведения. Поддерживая такие соображения, новый губернатор Д.Н. Толстой предлагал создать при губернской палате государственных имуществ земледельческий совет⁴⁹.

Конечно, отмена крепостного права сыграла в истории России выдающуюся роль. В 1863 г. на основании положений Манифеста 19 февраля 1861 г. была проведена реформа, касавшаяся жизни удельных крестьян, а в 1866 г. – государственной деревни. В итоге все категории крестьянства становились «свободными сельскими обывателями». Причём реформировать государственную деревню было гораздо проще: здесь не надо было перераспределять земельную собственность, все существовавшие наделы крестьяне сохраняли за собой. На один двор бывшие помещичьи крестьяне Воронежской губ. получили в среднем около 5.5 десятин, бывшие удельные и государственные – около 12⁵⁰.

За отменой крепостничества последовал небывалый рост сельского населения. В 1861 г. в Воронежской губ. числилось около 1.9 млн жителей, 1897 г. – около 2.4 млн, 1905 г. – около 3.1 млн, 1916 г. – почти 3.8 млн человек⁵¹. При этом никакого притока мигрантов не наблюдалось. Росла и мобильность крестьянства, развивалось сельское и городское предпринимательство. Многие крестьянские хозяйства пригородных районов начали переходить к товарно-рыночным отношениям⁵².

Но наряду с этим, заметны были и негативные тенденции, о возможности которых предупреждали дворянские депутаты. Принудительное наделение земель по установленным нормам и обязательный выкуп привели к скученности аграрного населения. С течением времени стало резко сокращаться душевое земельное обеспечение бывших крепостных. Средний душевой надел всех категорий крестьян за пять пореформенных десятилетий сократился в губернии с примерно 4.5 десятин до 2.6.

Неблагоприятная экономическая конъюнктура, натурально-потребительское и неэффективное хозяйство породили проблему крестьянского малоземелья, а вместе с ней и «оскудения Чернозёмного центра». Мешало нормальному развитию деревни и то обстоятельство, что крестьяне не получили гражданского полноправия. Контроль над её жизнью сосредоточился в руках администрации, а после проведения земской реформы – частично и в земствах. Сохранилась сословная обособленность крестьянства. В Воронежской губ. свыше 98% крестьян являлись общинниками. В большинстве общин распределение угодий

⁴⁹ ГА ВО, ф. 29, оп. 1, д. 863, л. 5.

⁵⁰ Воронежская энциклопедия. Т. 2. Воронеж. 2008. С. 65.

⁵¹ ГА ВО, ф. 26, оп. 1, д. 18, л. 11.

⁵² *Перепелицын А.В.* Крестьянские промыслы в центрально-чернозёмных губерниях России в пореформенный период. Воронеж, 2005. С. 91–110.

осуществлялось сходом домохозяев, как правило, уравнительно по числу мужских душ и с периодическими переделами. Сохранялась круговая порука.

Как и предвидели воронежские дворяне, очень серьёзными оказались материальные потери частных землевладельцев. Утратив право на бесплатный труд крепостных, многие из них не смогли перестроить свои хозяйства и не выдержали экономических трудностей. К началу XX в. примерно 40% помещичьих земель было распродано. Большие потери дворянство понесло из-за роста социальной напряжённости в деревне. Массовые погромы барских усадеб во время революции 1905–1907 гг. поставили власть перед необходимостью «второго раскрепощения». Так именовался в ту пору аграрный курс правительства П.А. Столыпина, направленный на ликвидацию общинных порядков и приватизацию крестьянской надельной земли. Программа масштабного реформирования включала рациональное землеустройство, развитие просвещения, кооперации, агрономической и ветеринарной помощи, переселение крестьян на свободные земли за Уралом. За оставшиеся до начала мировой войны годы новое «раскрепощение» принесло ряд обнадеживающих результатов⁵³. Но для полной его реализации требовалось ещё немало времени. Однако, как показала жизнь, его уже не осталось.

---

⁵³ *Карначёв М.Д.* Воронежская деревня в годы столыпинской земельной реформы // Русская провинция. Вып. 2. Воронеж. 1995. С. 5–23.